

А. М. Хазанов

ПЕРВОБЫТНАЯ ПЕРИФЕРИЯ АНТИЧНОГО МИРА

(НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЫ)

Последние 5000 лет первобытные общества на земном шаре существовали бок о бок с классовыми. Следовательно, их функционирование и развитие было осложнено новым фактором, роль и значение которого еще далеко не выяснены. В сущности, от той или иной его оценки во многом зависит решение проблемы репрезентативности изучаемых этнографией отсталых племен и народов, едва ли не важнейшей для источниковедения истории первобытного общества.

Нет недостатка в общих суждениях по этому поводу, к тому же весьма разнящихся между собой. Конкретных же исследований предпринималось значительно меньше, и это не случайно. Наличие или отсутствие первобытной периферии вокруг тех или иных классовых обществ в подавляющем большинстве случаев является очевидным фактом; как правило, сравнительно легко установить и наличие определенного воздействия со стороны этих классовых обществ на своих более отсталых соседей. Однако степень такого воздействия и тем более его результаты зачастую остаются более или менее гадательными. Фактического материала обычно не хватает для окончательных выводов, а его возможные интерпретации не однозначны.

Между тем проблема взаимоотношений классовых обществ с первобытной периферией должна рассматриваться конкретно, и не только применительно к первобытным обществам, но и к самим классовым, потому что их структура, специфика и достигнутый уровень развития, очевидно, были для таких взаимоотношений отнюдь не нейтральными факторами. К тому же любое взаимодействие — процесс обоюдный, и его результаты не могли не сказываться на обеих сторонах.

Вряд ли надо напоминать о том, какие трудности стоят перед исследователями контактов первобытных обществ с классовыми в эпоху великих географических открытий и последующее время. Значительное расхождение мнений относительно их последствий для социальной организации австралийцев, североамериканских индейцев и других говорит здесь само за себя. Но исследователи таких контактов в докапиталистические эпохи сталкиваются с еще большими трудностями, вытекающими из меньшего объема и специфики имеющихся источников. По мере углубления в прошлое подробное свидетельство очевидца сменяется сообщением письменного источника, часто слишком лаконичным, или же данными археологии, несущими еще меньшую информацию.

И все же такие исследования необходимы, даже в том случае, если они не приведут к окончательному решению проблемы, даже если выяснится, что имеющихся источников недостаточно, чтобы установить, насколько было искажено развитие тех или иных первобытных обществ под воздействием классовых и было ли оно искажено вообще. Негативный ответ — это тоже ответ. Во всяком случае он лучше гадательных и спекулятивных рассуждений.

Наша статья является попыткой выявить некоторые закономерности во взаимоотношениях средиземноморской рабовладельческой цивилизации и ее первобытной периферии. Избрание для исследования конкретного региона диктовалось сравнительной полнотой источников и кругом интересов автора.

Спонтанное развитие европейского континента было нарушено не позднее III—II тысячелетия до н. э. (если не считать происходившей ранее неолитической революции, совершившейся здесь под очевидным влиянием передневносточного очага земледелия)¹, когда он начал испытывать постоянное воздействие передневносточных цивилизаций, будь то прямое на юге или опосредствованное в более отдаленных районах². Важнейшими результатами такого воздействия были распространение металлургии и других технологических навыков (например, колесного транспорта), значительный рост обмена и торговли, ускорение темпов общественного развития, некоторые изменения в сфере идеологии. Там, где внешние стимулы сочетались с интенсивным внутренним развитием, отмечается быстрое разложение первобытнообщинного строя.

Первая европейская государственность возникает на Крите и в материковой Греции, испытавших наиболее сильное влияние Переднего Востока, во II тысячелетии до н. э. А в конце II — начале I тысячелетия до н. э. местные очаги цивилизации (Этрурия, Лаций, Тартесс) возникают и в Западном Средиземноморье отчасти в результате спонтанного развития, ускоренного контактами с классовыми обществами, прежде всего эгейскими, отчасти под влиянием финикийской и греческой колонизации.

К началу I тысячелетия до н. э. по уровню социально-экономического развития всю Европу можно разделить на три части: юг (Средиземноморье), вступивший или вступавший в эпоху цивилизации и государственной жизни, среднюю полосу, занятую земледельческо-скотоводческими племенами, которые в той или иной мере уже подверглись южным влияниям и находились на различных стадиях разложения первобытнообщинных отношений, и север, где в различных пропорциях сочетались производящее и присваивающее хозяйство, а южные импульсы, очевидно, не сказались существенным образом на традиционных социальных отношениях и институтах.

Три события были важнейшими для взаимоотношений классовых обществ и первобытной периферии в Европе в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.: греческая и в меньшей степени финикийско-карфагенская колонизация, экспансия Рима и Великое переселение народов.

В первой половине I тысячелетия до н. э. в Южной и Средней Европе наблюдается мощный подъем производительных сил: распространение железа, плужного земледелия, кочевых форм скотоводства. Все это позволяло племенам средней полосы Европы производить достаточно большой прибавочный продукт. В конкретных исторических условиях Европы I тысячелетия до н. э. его реализация оказалась в довольно сильной зависимости от колонизационной деятельности греков.

Хотя причины греческой колонизации, а также отчасти предшествовавшей, отчасти сопутствовавшей ей финикийской были в основном внутренние³, в ней была заинтересована и родо-племенная верхушка

¹ В. С. Титов, Древнейшие земледельцы в Европе, сб. «Археология Старого и Нового Света», М., 1966.

² См., например, Г. Кларк, Доисторическая Европа, М., 1953, стр. 28 и др.; С. В. Киселев, Бронзовый век СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 130, 1965, стр. 19 и сл.; V. G. Childe, The prehistory of European society, Harmondsworth, 1958.

³ О греческой колонизации и ее причинах см.: Т. У. Дунбэбин, The Western Greeks, Oxford, 1948; С. Роубек, Ionian trade and colonization, N. Y., 1959; Ж. Берард, l'Expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres mediques, Paris, 1960;

варварских обществ. Непосредственное соседство с форпостами цивилизации в лице новых колоний открывало для нее важные источники обогащения и влияния в обществе. Любопытно, что позднейшая традиция сохранила представление об основании многих колоний мирным путем без сопротивления племен, на территорию которых они выводились⁴.

Можно сравнительно четко выделить основные последствия греческой колонизации для судеб первобытной периферии Европы.

1. Периферия в целом заметно приблизилась к очагам цивилизации, и значительное число первобытных обществ стало непосредственными соседями классовых. Скифы, меоты и другие племена Северного Причерноморья и Кавказа, фракийцы на Балканах, племена Италии, кельты и иберы на территории современных Франции и Испании вступают теперь в постоянные контакты с античной цивилизацией.

2. Технические и культурные достижения греческого мира, а также его социальные отношения оказывают глубокое и всестороннее воздействие на ближнюю варварскую периферию.

Так, в конце V—IV в. до н. э. под влиянием античного мира у кельтов появляется целый ряд технических новшеств, в их числе гончарный круг, вращающийся токарный станок, кирпичные сооружения, ручная мельница и т. д.⁵ По словам Помпея Трога (Just., XLIII, 4, 1—2), от массалиотов «галлы переняли более культурный образ жизни, частью возсе покинули, частью смягчили свои варварские обычаи, научились обработке полей и возведению стен вокруг городов. Тогда же они стали жить, (руководствуясь) законами, а не правом оружия, научились возделывать виноградники и сажать оливы. Одним словом, и жители и условия жизни стали столь прекрасны, что казалось, будто не греки переселились в Галлию, а будто вся Галлия переселилась в Грецию».

Страбон (VII, 3, 7) в отношении скифов рисует не столь идиллическую картину, но также отмечает глубокие изменения, произошедшие в их обществе под греческим влиянием: «Надо сказать, что наш образ жизни почти у всех произвел перемену к худшему, внося роскошь, страсть к удовольствиям и для удовлетворения этих страстей множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность нравов в значительной степени проникла и к варварам, между прочим, и кномадам. Последние со времени знакомства с морем сразу сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими народами, перенимают от них роскошь и торгашество; хотя это, по-видимому, и способствует смягчению дикости, однако портит нравы и на место простодушия... вводит коварство».

3. Часть прибавочного продукта, производимого первобытной периферией, реализуется теперь на греческих рынках. Погребения скифской, меотской и кельтской знати переполнены греческими предметами роскоши, в том числе выполненными специально на заказ, принаравливаясь к варварским вкусам. Торговля способствует дальнейшему разложению первобытнообщинных отношений, углублению имущественной и социальной дифференциации, развитию товарного производства и т. д.

C. G. Starr. The origins of Greek civilization, N. Y., 1961, p. 365—378. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности, Л., 1947; Н. И. Соколовский, Д. Б. Шелов, Историческая роль античных государств Северного Причерноморья, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959.

⁴ См. замечание Иордана (Get., 32), что основать города-колонии Северного Причерноморья «дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю». По свидетельству Стефана Византийского (s. v. Παντικ'αλαίου), место возведения Пантикапея было уступлено эллинам скифским царем Агаэтом.

⁵ Г. Кларк, Указ. раб., стр. 273—274; Я. Филип, Кельтская цивилизация и ее наследие, Прага, 1961, стр. 32, 115 и др.; V. G. Child, Prehistoric migrations in Europe, Oslo-Leipzig-Paris-London-Cambridge (Mass.), 1950, p. 230.

Скифы-пахари сеяли зерно на продажу (Herod., IV, 17). В Истрии местное население также стремится увеличить поставки зерна греческим купцам⁶. В Причерноморье под влиянием спроса на хлеб наблюдается оседание скотоводческих племен и рост сельскохозяйственных поселений вокруг греческих городов: в IV в. до н. э. в Прикубанье, Восточном Крыму и Нижнем Побужье, в III в. до н. э. — в степном Крыму⁷.

Племена ближней периферии втягиваются также в посредническую торговлю. Аорсы «даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян и перевоза на верблюдах. Благодаря богатству они носили золотые украшения» (Strabo, XI, 5, 8).

Кое-где начинается даже чеканка собственной монеты в подражание греческой, а затем и римской, в основном в интересах торговли⁸.

4. Сложные взаимоотношения с греками в некоторых случаях формируют возникновение местной государственности: в V в. до н. э. у фракийцев (держава одрисов), в Синдике и, может быть, в Колхиде в IV и особенно в III в. до н. э. — у скифов. По меткому выражению Г. Чайлда, «более древняя цивилизация играет роль повивальной бабки, облегчающей родовые муки варварству»⁹.

В других случаях влияние греческих и других средиземноморских государств могло, наоборот, сказаться отрицательным образом на сложении местной государственности. Возможно, так случилось с кельтами, у которых тесные связи с различными центрами средиземноморской цивилизации привели к раздроблению общества, к усилению аристократии и упадку королевской власти, что сознательно поощрялось в дальнейшем Римом¹⁰, и в целом затормозило процесс формирования государства.

Лишь у некоторых кельтских племен возникло некое подобие аристократических республик, походивших на ранний Рим. У Рима же главенствовавшая в них аристократия и искала поддержки.

Во взаимоотношениях греческих колоний с окружающей их варварской периферией бросается в глаза еще одна особенность. Наиболее подверженными греческому влиянию оказывались те племена, у которых были для этого достаточные внутренние предпосылки — далеко зашедшее разложение первобытнообщинных отношений. Более отсталые племена оказались менее восприимчивыми к подобным влияниям. Неплохим примером служит сравнение двух соседних народов — скифов и тавров. В то время как скифы подверглись всестороннему воздействию греческой цивилизации, тавры, отстававшие от них в социально-экономическом развитии, оказались затронутыми таким воздействием лишь в небольшой мере¹¹.

В свою очередь первобытная периферия оказывала значительное влияние на греческий мир. Греки оказались восприимчивыми к культурным, техническим и военным достижениям варваров и даже к их рели-

⁶ E. Condurachi, *Scurt istoric al cetății Histria*, «Histria», vol. I, 1954, p. 42.

⁷ Н. И. Соколовский, Д. Б. Шелов, Указ. раб., стр. 56—57; В. Д. Блаватский, *Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье*, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», стр. 20.

⁸ А. В. Мишулин, *Античная Испания*, М., 1952, стр. 135—136; Г. Кларк, Указ. раб., стр. 78; Я. Филипп, Указ. раб., стр. 131—137; Н. А. Фролова, *Монеты скифского царя Скилура*, «Сов. археология», 1964, № 1, стр. 44—45; Т. Д. Златковская, *Проблемы становления государственной власти у южнофракийских племен*, сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1969, стр. 291 и сл.

⁹ Г. Чайлд, *Прогресс и археология*, М., 1949, стр. 166.

¹⁰ Я. Филипп, Указ. раб., стр. 93—94 и др.; T. G. E. Powell, *The Celts*, N. Y., 1960, p. 79.

¹¹ В. Н. Дьяконов, *Древняя Таврика до римской оккупации*, «Вестник древней истории», 1939, № 3(8), стр. 72—86; А. А. Иессен, Указ. раб., стр. 75—77; А. М. Лесков, *Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры*, Киев, 1965, стр. 180—189.

гиозным представлениям¹². Наконец, знакомство с обществами, еще не знающими классового антагонизма, оказало заметное влияние на научную и философско-этическую мысль древних греков, а затем и римлян.

К еще более важным последствиям для судеб первобытной Европы привели возвышение и экспансия Рима. Огромная масса племен, сохранявших первобытнообщинный строй на стадии его разложения, была насильственно включена в условия государственной жизни. Другие племена, составлявшие ближнюю первобытную периферию, подвергались сильнейшему экономическому и политическому давлению. Третьи, более удаленные, испытывали влияние Рима и промежуточных варварских обществ.

1) Завоевание Римом племен, населявших Иберийский полуостров, север Балкан, Галлию, Британию и бассейн Дуная, означало распространение на завоеванных территориях развитых рабовладельческих отношений и сопровождалось целым рядом политических, экономических и культурных мероприятий, сознательно проводившихся римской администрацией и подрывавших все прежде существовавшие общественные отношения¹³. Границы провинций и судебных округов, намеренно проводившиеся без учета старых этнических и племенных делений, налогообложение, принудительное насаждение римского права¹⁴, создание крупного землевладения, эксплуатация и обезземеливание местного населения, превращение части его в арендаторов и наемников, распространение провинциальной римской культуры, стирание и подавление местные особенности, развитие товарного производства, ремесла и торговли — таков их далеко не полный перечень.

Не менее важным было основание на завоеванной территории городов античного типа. Они несли с собой античные формы собственности и классические формы рабовладения, способствовали процессам романизации, распространению латинского языка и римской культуры. Например, об иберийском племени турдестанцев Страбон писал (III, 2, 15), что они «совершенно переменили свой образ жизни на римский и даже забыли родной язык. Большинство их стало латинскими гражданами и приняло к себе римских колонистов, так что все они почти что обратились в римлян. И основанные теперь города... ясно обнаруживают перемену упомянутых форм гражданской жизни»¹⁵.

В таких условиях происходила быстрая трансформация и романизация местной аристократии, которую Рим, видя в ней опору в завоеванных провинциях, привлекает на свою сторону и наделяет имущественными и гражданскими привилегиями. Подобную политику, например, проводил Юлий Агрикола в Британии. «...Юношей из знатных семейств, — писал Тацит, — он стал обучать свободным наукам... и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия. За этим последовало и желание одеться по-нашему (по-римски. — А. Х.), и многие облеклись в тогу. Так мало-помалу наши пороки соблазнили британцев, и они пристрастились к портикам, термам и изысканным пиршествам.

¹² В. Д. Блаватский, Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII—V вв. до н. э.), «Сов. археология», 1964, № 2, стр. 18—20.

¹³ Об этом см.: Т. Д. Златковская, Мезия в I—II вв. нашей эры, М., 1951, стр. 46—49, и др.; И. Т. Кругликова, Дакция в эпоху римской оккупации, М., 1955, стр. 80 и сл.; О. В. Кудрявцев, Основные закономерности исторического развития провинций Римской Империи, кн. «Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской Империи и статьи по общим проблемам древней истории», М., 1957; Я. Филлип, Указ. раб., стр. 76 и др.

¹⁴ Помпей Трог писал про иберийцев (Just., XLIV, 5, 8), что Август «привил при помощи законов народу дикому и воинственному обычай более культурной жизни». Насаждение римского права было одной из причин восстания германцев против Квинтия Вара.

¹⁵ См. также Strabo, III, 11, 20.

И то, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискушенными и простодушными, образованностью и просвещенностью» (Тас., *De vita Julii Agricolae*, 21).

Таким образом, самостоятельное развитие племен, включенных в состав римского государства, было бесповоротно прервано и направлено по другому руслу.

2) Значительные перемены происходили также у тех племен, которые в разное время составляли непосредственную первобытную периферию Рима (кельты, германцы, геты, даки, сарматы). У всех у них наблюдается значительный рост производительных сил, ускоренное разложение первобытнообщинных отношений и быстрая внутренняя дифференциация общества. Цезарь во всяком случае понимал значение римского влияния на варваров, когда писал про галлов (*De bel. Gal.*, VI, 24), что «близость римских провинций и знакомство с заморскими товарами способствует развитию у них благосостояния и новых потребностей...» или отмечал (*De bel. Gal.*, I, 1), что самое храброе племя в Галлии — белги, «так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа...»¹⁶.

Результаты римского воздействия на племена ближней первобытной периферии хорошо прослеживаются на примере германцев. До появления Цезаря на Рейне германское общество было сравнительно мало затронуто римским влиянием. Торговля, особенно при посредстве кельтов¹⁷, велась уже давно, но в ограниченных размерах. Ко времени Цезаря имущественная дифференциация в германском обществе не была еще глубокой и сводилась главным образом к различиям во владении движимым имуществом (скотом). Частная собственность на землю отсутствовала, а родо-племенная аристократия не обладала сколько-нибудь постоянной принудительной властью — дружины распались сразу же после набега¹⁸.

Между временем Цезаря и Тацита импорт римских товаров резко возрос, и, как свидетельствуют данные археологии, импортируемые товары становились большей частью индивидуальной собственностью. Цезарь писал про свебов (*De bel. Gal.* IV, 2), что «купцов они допускают к себе больше для продажи военной добычи, чем из желания получить какие-либо привозные товары». Но уже в правление Тиберия, когда была захвачена столица свебов, в ней были обнаружены «маркитанты и купцы из наших (римских.— А. Х.) провинций, которых — каждого из своего края — занесли во вражескую страну свобода торговли, жажда наживы и, наконец, забвение родины» (Тас., *Ann.*, II, 62). Следующий шаг был сделан ко времени Тацита, когда германские вожди стали принимать от римлян деньги (Тас., *Germ.*, XV), а ближайшие к Рейну и Дунаю племена оценили «золото и серебро для употребления в торговле» (Тас., *Germ.*, V). В дальнейшем римский экспорт еще больше возрос¹⁹. Одновременно под римским влиянием у германцев совершенствуется сельскохозяйственная техника и развиваются ремесла.

За римские товары надо было платить. Можно допустить, что уве-

¹⁶ Представление о том, что «дикость» первобытных племен возрастает по мере их удаленности от границ цивилизации, было свойственно не только Цезарю. Ср. Strabo, II, 2, 26; III, 3, 8; III, 4, 20; IV, 5, 1; XI, 2, 4.

¹⁷ Я. Филипп, Указ. раб., стр. 115, 128; H. J. Eggers, *Die romische Import im freien Germanien*, Hamburg, 1951, S. 40, 42.

¹⁸ См. Caes., *De bel. Gal.*, IV, 1; VI, 22; VI, 23 и др.; Тас., *Germ.*, VII.

¹⁹ О римском экспорте в Германию см.: M. P. Charlesworth, *Trade routes and commerce of the Roman Empire*. Cambridge, 1926; O. Brogan, *Trade between the Roman Empire and the free Germans*, «The Journal of Roman Studies», XXVI, London, 1936; H. J. Eggers, Указ. раб.; M. Wheeler, *Rome beyond the imperial frontiers*, London, 1954, p. 63—90.

личение числа войн и набегов в Германии среди других причин²⁰ вызывалось возросшим стремлением приобрести римские товары. В I—II вв. до н. э. в Германии повсеместно, от Ганновера до Польши и от Дании до Силезии, появляются погребения военной аристократии, содержащие предметы римского импорта²¹.

Войны усугубляли общественную дифференциацию, усиливали и укрепляли власть вождей. Уже во времена Тацита дружины становились постоянными. Этому немало способствовали и римляне, которые, стремясь привлечь германскую знать на свою сторону, углубляли раскол, существовавший между родоплеменной аристократией и рядовыми общинниками. Рим поддерживал и навязывал дружественных ему вождей и обеспечивал их власть принудительно даже вопреки воле племени. Так на смену Арминиям рождались Сегесты²².

По мере ослабления Рима он уже не столько подкупает, сколько откупается от варваров, однако и это служит дальнейшему укреплению позиций аристократической верхушки. Дион Кассий (LXXXII, 14) писал о политике Каракаллы в начале III в. н. э., что «многие из живущих у самого Океана, при впадении Альбия, послали к нему послов, прося дружбы, чтобы получить деньги. Так как он уже делал так раньше, многие приступали к нему с этим, угрожая войной; и он согласился со всеми ними. Если им что и говорилось против их желания, то при виде золотых они покорялись, так как он дарил им настоящие золотые. Напротив, римлянам он давал поддельные деньги, и серебряные, и золотые: он приготавливал первые из посеребренного свинца, вторые — из золоченой меди».

Не менее значительным было и идеологическое воздействие. Достаточно сказать, что именно из Рима распространялось в варварской Европе христианство. Таким образом, римское влияние выразилось, в конечном счете, в заметном ускорении социального развития у племен ближней первобытной периферии.

3) Дальняя периферия в I тысячелетии до н. э. и особенно первой половине I тысячелетия н. э. также испытывает на себе воздействие классовых обществ Европы — прямое, благодаря торговле, или опосредствованное, через племена ближней периферии. Эти племена, уже затронутые соседством с рабовладельческим обществом, усиливают давление на своих северных и восточных соседей в погоне за добычей, рабами и пр., а также ведут с ним торговлю²³. В результате этрусские, греческие, кельтские, скифо-сарматские и римские товары и изделия, а с ними вместе технические достижения проникают в самые отдаленные уголки. Изделия средиземноморских мастерских достигали Англии, среднего Рейна и даже Дании на западе и Урала на востоке²⁴, северо-черноморские образцы — крайнего Севера Восточной Европы и Западной Сибири²⁵.

²⁰ Например, Рим сознательно разжигал междоусобицы у свободных германцев. Ср. Тацита про британцев (*De vita Julii Agricolae*, 12): «...в борьбе против таких сильных народов для нас нет ничего столь полезного, как их разобщенность».

²¹ Н. J. Eggers, Указ. раб., S. 50; M. Wheeler, Указ. раб., стр. 44 и сл.

²² Тацит (*Герм.*, XVII) сообщает, что сила и власть королей маркоманов и квадов поддерживалась авторитетом Рима, который помогал им также деньгами и оружием. См. также Тас., *Ann.*, XII, 29; I и II, 63, 7; *Amm. Marc.*, XXIX, 4, 7; *Claudian ap. Eutrop.*, I, 381; *Libanius, Or. lix.*, 132. Аналогическая политика проводилась в отношении сарматов — см. *Amm. Marc.*, XVII, 12.

²³ Так, например, при посредстве скифов торговый путь тянулся от Ольвии до Приуралья и, может быть, еще дальше на восток (Б. Н. Г р а к о в, *Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи?* «Археологія», 7, Київ, 1947).

²⁴ Г. Кларк, Указ. раб., стр. 272—275; Я. Филип, Указ. раб., стр. 49—56; Ю. Б. Циркин, «Оловянный путь» и северная торговля Массалии. «Вестник древней истории», 1968, № 3, стр. 96—104.

²⁵ А. П. Смирнов, Античные элементы в культуре населения севера Восточной Европы. сб. «Культура Античного мира», М., 1966.

Средняя и Северо-Восточная Европа и лесная зона Восточной Европы в I тысячелетии до н. э., особенно в его конце, начинают развиваться ускоренными темпами. Важнейшими экономическими сдвигами здесь были распространение железа и развитие земледелия и скотоводства. И в этом не последнюю роль сыграли южные импульсы. Например, кельтское влияние сказывалось до Балтийского моря и южной Скандинавии, глубоко в Польше и в Западной Украине. Отдельные группы кельтских ремесленников основывали свои мастерские вне границ собственно кельтской среды, и местные жители перенимали кельтскую технику производства²⁶.

В конце I тысячелетия до н. э. на дальней периферии археологически прослеживаются первые признаки социальной и имущественной дифференциации. Показательно, что наиболее заметны они на линиях торговых путей или в районах соприкосновения с более продвинутыми племенами (кельтами, фракийцами, скифами) — в южной Прибалтике, на юге территории распространения лужицкой культуры, в Прикамье.

Особенно заметно воздействие классовых обществ на дальнюю периферию проявляется в первых веках н. э. Хотя военная экспансия Рима сказалась на ней лишь косвенно, в виде ряда этнических перемещений внутри варварского мира, торгово-экономические связи достигают в это время своего зенита. О размахе торговли янтарем жителей северной Германии и балтийского побережья с Римом сообщает Плиний Старший (NH, XXXVII, 45): «И поныне жив еще римской всадник, посланный туда для приобретения янтаря Юлианом, ведавшим устройством гладиаторских игр при принце Нероне: он обошел местные торговые пункты и берега и привез такое огромное количество янтаря, что сетки, защищающие балкон от диких зверей, скреплены были янтарем, а вся арена и носилки для убитых гладиаторов и все прочее снаряжение, необходимое для игр, были сделаны из янтаря, чтобы создать разнообразие в самой пышности каждого отдельного дня этих игр».

Скандинавские археологи обычно определяют первые четыре века н. э. как «римский железный век», потому что «все культурное развитие Северной Европы было в тот период подчинено господствующему влиянию римской культуры»²⁷. Действительно, клады римских монет, многочисленные находки римских изделий и погребения с римским оружием в изобилии встречаются в это время в Скандинавии.

Заметное влияние Рима, особенно его дунайских областей, прослеживается даже в Восточной Европе (черняховская культура). Об этом говорят значительный приток монет и изделий провинциальной римской культуры, заимствование гончарного круга и т. д. и сопровождающий эти процессы рост социальной и имущественной дифференциации²⁸.

Влияние античной цивилизации не прослеживается сколько-нибудь существенным образом только на крайнем севере Европы. Но какие-то импульсы доходили даже туда, и пушнина, добываемая охотниками этих отдаленных мест, путем поэтапного обмена попадала на рынки Рима (Jord., Get., 21—22).

Влияние Рима ускоряло экономическое и социальное развитие племен дальней периферии. В то же время они в значительной меньшей

²⁶ Я. Фл. п. п. Указ. раб., стр. 115, 193.

²⁷ H. Shetelig and H. Falk, *Scandinavian Archaeology*, Oxford, 1937, p. 192; см. также: A. W. Brøgger, *Kultugeschichte des norwegischen Altertums*, Oslo, 1926; O. Klindt-Jensen, *Foreign influences in Denmark's early iron age*, Copenhagen, 1956; А. Я. Гуревич, Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тысячелетии н. э. в свете данных археологии и топонимии, «Сов. археология», 1960, № 4, стр. 218—219.

²⁸ В. В. Кропоткин, Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры, М., 1967, стр. 106—125 и др.

степени являлись объектом его эксплуататорских устремлений, чем племена ближней периферии, их знать не была столь коррумпированной и связанной с Римом общностью интересов. Поэтому именно эти племена в эпоху Великого переселения народов нанесли основной удар по Риму.

Значение Великого переселения народов для судеб Европы, как первобытной, так и классовой, трудно переоценить. Огромные этнические перемещения, определенная нивелировка культуры, усиление военной аристократии и т. д. способствовали скорейшему изживанию первобытнообщинных отношений у втянутых в переселение племен и народов.

По-видимому, античная цивилизация вообще не могла нормально функционировать без наличия первобытной периферии — объекта эксплуатации и источника рабской силы. Но в процессе длительных и всесторонних связей рабовладельческие государства способствовали ее быстрейшему развитию, и экономическому, и социальному. В конце концов соотношение сил изменилось, и периферийные варварские племена нанесли окончательный удар по Риму, а вместе с ним и по античному рабовладению.

В течение следующего тысячелетия в Европе наблюдается становление (или восстановление на новой основе) классовых отношений, но уже феодального типа и распространение их на новые и новые районы. И в этих процессах римское наследие играло весьма существенную роль. Распад первобытнообщинных отношений быстрее всего происходил у тех племен, которые расселились на землях с римским или романизованным населением, много веков жившим в условиях государственного существования (вестготы, остготы, вандалы, бургунды, отчасти франки)²⁹. В результате завоевания их социально-экономическое и политическое развитие было значительно ускорено, а становление классового общества происходило как синтез присущих римскому и германскому обществам отношений, как в сфере производства, так и в области политики и идеологии.

Тот социально-экономический строй и его институты, которые германские племена застали на захваченной ими территории (частная собственность на землю, крупное землевладение, классовые отношения и т. д.), ускорили процессы дифференциации и классовообразования в их среде. Возникновение государства при этом облегчалось широким использованием уцелевших остатков римских государственных и правовых институтов, фискальной системы и т. д.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о значительном воздействии классовых обществ античного типа на социально-экономическое развитие их первобытной периферии³⁰. Очевидно, однако, что степень такого воздействия зависит не только от близости периферии к классовым обществам, но и от уровня социально-экономического развития составлявших ее обществ. Чем выше этот уровень, чем меньше разрыв между первобытным обществом и классовым, тем больше его воспринимающая способность. В связи с этим возникают вопросы: как именно общество воспринимает внешнее воздействие и как происходит его усвоение. Размеры журнальной статьи позволяют остановиться на них только в самой сжатой форме.

²⁹ См. А. И. Неусыхин, Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв., М., 1956; З. В. Удальцова, Италия и Византия в VI в., М., 1959, стр. 137, 154; А. Р. Корсунский, Образование раннефеодального государства в Западной Европе, М., 1963, и др.

³⁰ При этом мы не касаемся сейчас уже разобранного случая завоевания и интеграции первобытного общества в социополитическую и экономическую структуру классового, нередко с его полной или частичной аккультурацией. Его было бы интересно сравнить с последствиями завоевания первобытных обществ докапиталистическими классовыми обществами иных типов. Кажется, здесь имеются весьма значительные различия.

Влияние античных классовых обществ на первобытную периферию наиболее заметно в сфере технологии и экономики, и, очевидно, именно здесь оно и сказывалось в первую очередь. Оно вело к важным переменам в производстве и распределении со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями. Конечно, и здесь требовалось определенное соответствие достигнутых уровней развития. Например, заимствование гончарного круга возможно только в том случае, если общественное разделение труда продвинулось достаточно далеко; производство зерна на продажу подразумевает сравнительно высокое развитие экономики и т. д. Но все же именно в этой сфере допустимый разрыв был, видимо, наиболее широким. В торговлю пушниной вовлекались даже племена с присваивающим хозяйством.

Значительно более сложным и опосредствованным было внешнее воздействие на социальную организацию первобытных племен. Военно-политическое давление Греции и Рима могло форсировать возникновение на периферии собственной государственности. Но основанная на ином базисе, она отнюдь не копировала греческие и римские образцы, оставаясь в этом отношении вполне самостоятельной.

Тем более это относится к таким элементам социальной организации, как семья, община, род, племя; к таким ее специфическим чертам и особенностям, как формы брака, его локальность, счет родства и т. д. В этой сфере не заметно (или почти не заметно) ни прямого заимствования, ни подражания аналогичным институтам античного мира.

Видимо, во многом это объясняется тем, что социальная организация любого общества представляет собой целостную структуру взаимосвязанных элементов и изменение одного из них невозможно или, по крайней мере, сильно затруднено без изменения остальных. Не так уж был далек от истины А. Фергюсон, еще в XVIII в. писавший, что «характерная сторона жизни какой-либо страны редко переносится в другую страну до тех пор, пока почва для этого не будет подготовлена наличием сходных условий»³¹.

Поэтому возможности прямого заимствования здесь вообще ограничены. Правда, надо учитывать, что варварские общества большей части Европы в рассматриваемый период переживали существенные сдвиги. В подобных обстоятельствах отдельные социальные институты и элементы социальной организации соседей, в том числе классовых, могли служить эталоном для копирования, предметом подражания и т. д. и возможности заимствования расширялись. Однако применительно к Европе I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э. они и в этом случае не могли быть особенно велики ввиду слишком большой специфики и своеобразия форм социальной организации античной цивилизации по сравнению с ее первобытной периферией. Возникавшие на периферии государственные образования не заимствовали и не могли заимствовать ни полисного устройства гражданской общины Греции, ни римского права, равно как чуждыми остались им греческие или римские формы семьи и брака.

Немногие известные исключения только подтверждают это правило. Этрускское общество при всей специфичности его общественного устройства, далеко не тождественного греческому, все же имело с ним, по крайней мере частично, один важнейший общий признак — полис, как город-государство и одновременно форму устройства гражданской общины. Именно это определило возможность широкого заимствования этрусками греческих политических институтов³², так же как немного позднее заимствование этруских институтов Римом.

³¹ A. Ferguson, An essay on the history of civil society, Philadelphia, 1819, p. 301.

³² Полагают, в частности, что образцом для этруских федераций, объединявших по 12 городов каждая, было 12-градье Ионии (F. Altheim, Der Ursprung der Etrusker, В-Baden, 1950, S. 60).

Но полисами не были ни Каменское городище на Днепре — столица скифского царства Атея, ни кельтские оппидумы, ни германские городища. Хотя некоторые из них по многим признакам уже можно называть городами, они не походили на города-государства Эллады по господствовавшим в них социальным отношениям.

Все сказанное отнюдь не означает, что античная цивилизация не оказывала никакого воздействия на социальное развитие первобытной периферии. Напротив, как явствует из рассмотренного материала, воздействие было, и очень существенное. Но оно сказалось не в виде прямого копирования форм социальной организации, присущих греческому и римскому обществам, а в тех изменениях в социальном и экономическом строе, которые совершались под их воздействием, но подчинялись в основном закономерностям внутреннего развития.

На первый взгляд может показаться странным, что более заметно прямое воздействие античных обществ на первобытную периферию в области идеологии, духовной культуры, религии и пр. В пантеон варварских обществ проникают греческие боги, местные божества заимствуют их отдельные черты, местная знать иногда подвергается поверхностной эллинизации или романизации. По-видимому, здесь дело не только в относительной автономности духовной сферы, но и в ее специфике, в возможности селективного отношения к ней, переосмысливания заимствованных элементов, приспособления их к местным условиям.

Приведем только один пример. Греки, очевидно, имели известные основания, когда отождествляли скифских богов со своими. Скифы, действительно, заимствовали у греков некоторые черты своих богов и культурных героев, в частности их антропоморфный облик. Однако исследования показывают, сколь своеобразно преломлялись эти заимствования на местной почве и сколь далеки были вновь появившиеся синкретические образы от своих прототипов³³.

Изложенные соображения, разумеется, нуждаются в дальнейшей проверке и детальном исследовании. К тому же они ограничены первобытной периферией только античных обществ, как известно, весьма своеобразных и отличных от других классовых обществ, известных на земном шаре в докапиталистическую эпоху. Поэтому их сравнение с выводами, сделанными на материале других регионов и другого времени, представляется весьма желательным.

THE PRIMITIVE PERIPHERY OF THE ANCIENT CIVILIZATIONS IN CLASSIC ANTIQUITY

(ON THE EXAMPLE OF EUROPE)

The article deals with the regularities governing mutual relations between class societies and their primitive periphery as illustrated by the example of Europe in the period of Antiquity. The conclusion is reached that the strength with which the class society exerts its influence over the primitive society depends not only on the proximity of the periphery to the centres of civilization but also on the level of its social-economic development. The influence of ancient civilizations over their primitive periphery was greatest in the sphere of technology and economics; it was weaker in the ideological sphere. As for the social organization of the societies under consideration the influence they underwent was much more complex and indirect. The interrelations between class societies and their primitive periphery in the region as a whole were also influenced by the peculiarities of antique societies which differed from all other pre-capitalist class societies known in world history.

³³ См., например, Б. Н. Граков, Скифский Геракл, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», XXXIV, 1950.